

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА: ОПЫТ ОСВОЕНИЯ И ПРОБЛЕМА РАЗВЕРТЫВАНИЯ.

Экзистенциальная аналитика (аналитика Dasein, экзистенциальная аналитика Dasein) – хайдеггеровский проект, раскрытый в самой известной философской книге XX века – «Бытие и Время». Фокус проекта направлен на прояснение (смысла) человеческого бытия. Основная задача проекта не имела чисто философско-антропологический характер, более того сам Мартин Хайдеггер критично относился к самому концепту «антропология» (поскольку любая антропология уже исходит из некоего понимания того, «что есть человек»). В «Бытии и Времени» автор стремится вновь поставить вопрос о бытии, совершить переход от поисков сущности сущего к прояснению смысла бытия. Вместе с тем прояснить вопрос о бытии становится возможным, обращаясь к бытию определённого рода сущего – человеческого существа.

Задача аналитики человеческого бытия (вместо, например, аналитики бытия живого) определяется М.Х. в силу онтологического и онтического преимущества человека перед другими типами сущего. Соответственно, аналитика его бытия не должна идти прежними путями мысли и не должна строиться прежним логико-категориальным языком. Прежний подход предполагал возможность построения универсальных суждений по типу: «S есть P». Например, человек – есть биосоциальное существо. «Фишка» же состоит в том, что человек «есть» не таким же образом каким «есть» животные, культурные артефакты или проявления не живой природы. Важно, что для позиции М.Х. в данном случае не принципиальна разница между диалектическим и не диалектическим способом мышления. В любом случае они (эти способы мышления) определяются некорректным пониманием человека в качестве существа, бытие которого может быть прояснено через устоявшиеся логико-категориальные структуры, применимые в той или иной степени и для других родов сущего. Экзистенциальная аналитика предполагает обращение к человеку в наиболее близкой и доступной сфере – т.е. в повседневности («Хайдеггер загнал философию на кухню Фрау Зорге»). Важно, что М.Х. в отличие от Л. Витгенштейна (который, часто исходил из опыта повседневности и иллюстрировал свои мысли примерами «из жизни»), полагал, что в опыте повседневности можно увидеть/вычленить достаточно чёткие структуры человеческого бытия – **экзистенциалы**.

Ключевые экзистенциалы, раскрывающие специфику человеческого бытия: Dasein (присутствие, здесь-бытие, здесьбытие), временность, понимание, мир, бытие в мире, бытие к смерти, повседневность, подручное, забота и озабоченность, речь, толки, собственное (своё, подлинное), не собственное (не своё, не подлинное), решимость, люди и др.

Ниже представлены авторские размышления, связанные с опытом усвоения экзистенциальной аналитики М.Х. и определённого развёртывания через попутки дополнения.

1) «Здесь-бытие» / «там-бытие».

Dasein (присутствие, здесь-бытие, здесьбытие, вот-бытие) в качестве ключевого экзистенциала для понимания человеческого бытия раскрывается как во временном, так и в пространственном смысле. Да-может быть переведено как «вот», «здесь». Согласно М.Х. человек по отношению к пространству всегда оказывается в ситуации «здесь»: «Я» = «здесь». Dasein не выступает в качестве некоего метафизической инстанции чистого «Я», которое всегда «здесь», а раскрывается как ситуация человеческого бытия – всегда «здесь» (Da-). Это ситуация (всегда здесь) может быть схвачена (само)сознанием в качестве «Я». Таким образом, вместо картезианской онтологии мыслящего «Ego», которое может помыслить себя отделенным от протяженного мира (а мир, становится тем объектом, который может быть подвергнут процедуре тотального сомнения), «германский мастер» выстраивает онтологию связи «Я» и «мира». Соглашаясь с тем, что преимущественно наше бытие раскрывается в модусе здесь (Da-), стоит задаться вопрос «всегда ли это так?». На наш взгляд помимо ситуации здесь-бытия мы оказываемся и в другом модусе – т.е. в ситуации там-бытия. Где мы, например, пребываем, когда погружаемся в фантазии и мечты? Можно говорить и о ситуациях непосредственного смещения восприятия пространства если и не в рамках личного опыта каждого, то, по крайней мере, в рамках интерсубъективного опыта о котором мы можем говорить. Так, например, можно опереться на опыт некоторых художников, которые упоминают случаи резкого смещения зрительного восприятия, вплоть до фактического перемещения точки сборки «вдаль», «вверх» или «в сторону» по сравнению с фактическим положением тела. Можно вспомнить также трансовые и медитативные состояния. Речь идёт об относительно глубоких степенях «погружения», в которых иногда сложно описывать своё положение как положение «здесь». Наконец, остаётся ли человек в ситуации «здесь» при взаимодействии с различного рода экранами (например, при захваченности фильмом или компьютерной игрой)?

2) «Целостность Dasein» / «конкретность идентичности» – «бытие к смерти» / «смерть Другого».

Основание целостности Dasein конституируется тем, что человеческое существо раскрывается не в качестве наличного объекта в потоке времени, а в качестве события. Принимая традиционную (августиновскую) парадигму понимания временности, мы должны говорить об отношении времени с сознанием. Сознание позволяет помнить о прошлом, удерживать настоящее и ожидать будущего. События нашего существования в таком случае теряют укорененность и значение, не зависящее от нашего же сознания, поскольку преимущественно их нет вне его горизонта: их либо

уже нет, либо еще нет¹. Пафос аналитики Dasein – это пафос утверждения новых оснований человеческого существования. Традиционная модель понимания времени, согласно Хайдеггеру, «спотыкается» прежде всего о два жизненных события: рождение и смерть. Разговор о том, что события нашего рождения уже нет для нас, а события смерти еще нет, является бессмыслицей, поскольку указанные события присутствуют в каждом моменте нашей жизни. Событийный характер человеческого существования не зависит от произвола нашего сознания, но конституирован уже имеющей место быть нашей онтологической настроенностью (аффицированностью бытием), а также способностью к пониманию. Акцент при этом немецкий философ делал именно на собственную смерть, которая выступает для каждого предельно своей (подлинной) возможностью его экзистенции. Согласно М.Х., только собственная смерть может быть открыта не столько в деловитой озабоченности по её поводу, но и в настроениях страха (неподлинной возможности) и ужаса (подлинной возможности). Стягивание временных моментов экзистенции в целостное единство осуществимо только при условии принятия собственной временности и смерти. «Германский мастер» определял отношение к смерти и смертности Другого как озабоченность (например, смертью и похоронами), но практически не акцентировал внимание на феноменах боли и тревоги, связанных с его смертью. Но насколько обоснована такая редукция? В конце концов редуцировать до психо-эмоциональной реакции можно и опыт ужаса перед собственной смертью. Думается, что оправданной всё-таки является противоположная стратегия: собственный опыт боли и тревоги перед смертью Другого может быть понят не только в психо-эмоциональном, но и в онтологическом смысле. Личностно-смысловое измерение конкретных идентификаций может быть прояснено на основании экзистенциального опыта связи с Другими. Можно сказать, что **конкретный опыт идентификации конституируется уже имеющей место быть онтологической настроенностью людей друг на друга.**

3) «Подручное» – «кнопка» – «подголосное?».

Здесь-бытие тесно связано с экзистенциалом подручности. Следуя М.Х., относительно вещей можно сказать, что «здесь» – это то, что подручно, т.е. находится под рукой и, наоборот, то, что под рукой, то и находится здесь². Экзистенциал подручности и определяет наше

---

¹ Такая онтологическая безпорность не есть нечто характерное для традиционного понимания времени как неотъемлемый признак, но есть следствие мировоззренческого сдвига второй половины XIX – первой половины XX в. Сдвиг этот был характерен как для философской мысли, так и для обыденных умонастроений. Речь идет о фактическом размывании инстанции Вечности и Вечного, которые ранее мыслились в качестве непрременной антитезы потоку текущего времени.

² См.: анализ экзистенциалов «подручность», «мирность», «бытие-в...» и аналитику пространственного смысла Da-sein (здесь-бытия), представленный в «Бытии и Времени». См.: Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. С. 66–113.

отношение к вещам и делам в повседневности. При этом не важно под рукой ли находятся вещи с точки зрения владения и контроля или же ситуация не владения ими допекает нас своей назойливостью.

Говоря о подручном в параметрах современности, следует заметить, что сам характер подручности меняется. М.Х. осмыслял эти перемены в поздних работах через противопоставления двух бытийно-исторических эпох: Поэзиса и Постава. Эпоха поэзиса (про-из-ведения) – это время самостоятельных вещей, изготавливаемых Мастером, тогда как эпоха Постава – время, когда практически каждая изготовленная вещь, является следствием (производным) функционирования сложнейших цепочек поставок сырья, товаров, оборудования, электроэнергии, рабочей силы. Здесь акцент делается на изменении способа изготовления, т.е. «выведения из непотаённости». Вместе с тем в современности меняется и характер подручности с точки зрения использования и непосредственно труда. Всё большее значение приобретает взаимодействие с различными кнопками, переключателями, клавишами, т.е. те операции, которые могут быть выполнены не только человеческой рукой, но и простыми манипуляторами. Условно этот тип подручности можно связать с концептами «кнопки» и «клика». В этом смысле «молоток» как любимый пример подручного у М.Х. явным образом проигрывает «кнопке». Сколько раз в неделю в среднем мы кликаем компьютерной мышкой или нажимаем на кнопки пульта, а сколько забиваем гвоздей?

Ещё более серьёзная трансформация нашего отношения к вещам м.б. связана с развитием интерфейса голосового управления различными устройствами. В качестве предельного воплощения данной тенденции можно рассматривать проекты умных домов, в которых воплощаются научно-фантастические и, одновременно, фольклорно-магические представления о вещах послушных командам хозяина без посредства руки.

4) Повседневность vs Игра

Согласно М.Х. человек может и терять себя в структурах повседневности, оставаясь привязанным к не подлинному модусу бытия, и, напротив, обретать себя, решительно ища нечто своё, тем самым овладевая повседневностью.

В качестве модуса человеческого бытия альтернативного повседневности может быть понятна игра. Игру в чистом, а не выхолощенном виде, нельзя рассматривать в качестве одной из возможностей повседневности. Важно что, конкретная игра как возможность не понимается в качестве одной из возможностей экзистенции, а скорее влечёт и затягивает.

Сложно, например, сказать, где в большей степени находится человек, сильно увлечённый компьютерной игрой, в доме или в игре. В каком-то физическом смысле он, конечно, находится за столом, ну, а в смысле его озабоченности? Пока он играет, текущие и важные дела могут благополучно не делаться, сигналы-знаки внешнего мира могут игнорироваться или не восприниматься вообще, да и саму его позу, скорее

всего, будет отличать неестественная статичность. В игре меняется и сама подручность вещей. Так, например, и в играх ребёнка, и в игре актёра вещи могут, одновременно, быть тем и не тем. Более того в самой популярной спортивной игре современности – футболе, максимально уменьшена роль руки, что в том числе порождает меньшую предсказуемость и возрастанию доли случайности. Важно, что игра конституирует своё время – «время игры», которое может вступать в разные отношения со временем жизни: поглощая, раскрашивая, изменяя его. В этом смысле игра вне исторична, хотя может иметь собственную историю. В таком ключе можно сказать, что человек (исключая отчасти профессиональных игроков) не обретает себя или теряет себя в игре, а скорее проваливается в игру или бывает захвачен игрой.

Резюмируя, стоит сказать, что проект экзистенциальный аналитики Dasein может быть актуализирован, в том числе в качестве философско-антропологического проекта. Пути развития и интерпретации могут быть связаны со своего рода мыслительным освоением положений «БиВ», толкованием экзистенциалов в контексте современного положения дел, поиском ситуаций (способов бытия) непосредственно раскрывающих человеческую экзистенцию помимо структур повседневности.